

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С47

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление — Ольга Жукова

Сладкова, Людмила.

С47 Реквием по любви. Искупление: [роман] / Людмила Сладкова. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Страсть и криминал).

ISBN 978-5-17-160919-1

Иногда прошлое имеет решающее влияние на настоящее. Лизу похитили, девушка оказалась буквально в паре шагов от смерти, но в то же время открылась еще одна дверь в прошлое, оказавшееся вовсе не таким, как считала Елизавета. Сколько тайн ей предстоит еще узнать? Как бывший враг может оказаться другом? Чью прядь волос мама хранила как настоящее сокровище? Как выжить самой и спасти дорогих людей?

Настало время выяснить все, потому что пришел час искупления.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160919-1

© Сладкова Л., 2024

© ООО «Издательство «АСТ», 2024

Глава 1

Как только Лиза и Соня в сопровождении охраны отправились на прогулку — а по факту навстречу Гордееву, Ирина Павловна тоже удалилась. Бесшумно прошмыгнула внутрь дома, где уединилась с Валентиной Степановной. Что до остальных... в их «развеселой» компании повисла гробовая тишина. Каждый в этот момент думал о чем-то своем. Кто-то нервно курил, приговаривая одну сигарету за другой. Кто-то пребывал в полной растерянности от сложившейся ситуации. А кто-то, снедаемый любопытством, тупо ждал дальнейшего развития событий.

Дмитрий же не обращал внимания ни на кого из присутствующих. Будто конченный безумец, почти не мигая, он всматривался вдаль, провожая Лизу и ее спутников хмурым взглядом. Не мог отвернуться, и все тут. Умом-то он понимал: с ней отправились достаточно опытные ребята. Закаленные. Проверенные. Но на душе от этого... легче не становилось.

Так беспокойно было, что временами даже воздуха на полноценный вдох не хватало. А дышал он часто и жадно. Но за грудиной, один черт, все сильнее и сильнее ныло. Сдавливало. Тянуло. Выкручивало.

Все его нутро противилось такому сценарию. Бунтовало. Интуиция нещадно шаршила по натянутым нервам. В сознании отчаянно пульсировало: «Не отпускай! Не отпускай! Верни!»

Людмила Сладкова

Дмитрий даже машинально шагнул вперед да кулаки сжал до онемения пальцев. Но сам же себя и остановил, отмахиваясь от дурных предчувствий: «Устал я, видимо. Загоняюсь уже! Все нормально. Они в безопасности. Да и кто станет рыпаться сейчас, зная, что вернулся сам Прокурор? Никто. Конченным дебилом нужно быть! Или на всю башку долбанутым!»

Здравое зерно в его рассуждениях присутствовало. Однако напряжение, сковавшее мышцы, не ослабевало, и сердце барабанило в висках все сильнее.

Повинуясь до жути странному порыву, он уже реально собирался окликнуть этих «гулён», дабы вернуть обеих домой. Но не успел. В последний момент к нему подошел Пашка. Ободряюще похлопав его по плечу, он тихо буркнул:

— Все нормально, брат?

Дмитрий встрепенулся, хрустнув позвонками затекшей шеи:

— Да. Пока — да.

— Слушай, что-то не торопится этот наш... — он покосился на собравшихся и закончил фразу слегка завуалированно: — Информатор... с признанием...

— Все будет, Соколик! — холодно усмехнулся Похоломов. — У него нет выбора!

В гнетущей тишине из-за стола поднялся Матвей. Игнорируя присутствие старших, подошел к ним. Всем своим видом он демонстрировал раздражение. И нетерпение. Скрестив руки на груди (чем уже взбесил Дмитрия основательно), он «предельно вежливо» уточнил:

— Я хочу знать, почему ты не отпустил меня с ними?

От его дерзости ярость кипятком разлилась по телу. Ошпарила кишки.

Играя желваками на скулах, Борзый прищурился, с вызовом глядя на Матвея.

Реквием по любви. Искупление

— На то были причины! — произнес он с притворным спокойствием.

— Какие?

— Веские!

Верещагин горько усмехнулся:

— Думаешь, это я? Думаешь, я — крыса?

— Я очень на это надеюсь! — отозвался Дмитрий, практически рыча. — Давно мечтаю всадить тебе пулю в лоб! Так хоть весомый повод появится...

Пашка предусмотрительно вклинился между ними.

— Так, мужики, — попытался он их утихомирить, — хорош быковать-то!

Будто не замечая Соколовского, Матвей гневно прохрипел:

— Ты сильно заблуждаешься на мой счет! Да, мы с тобой терпеть друг друга не можем — это неоспоримый факт. Но я никогда бы не...

— Не трать слова! — резко прервал его Похомов. — Если ошибаюсь — извинюсь!

— На хрен мне не упали твои извинения! — устало бросил Матвей, отступая на полшага. — Непокойно мне! Непокойно, понимаешь? Я пойду за ними!

— Ты завалишь хлебало и сядешь на место! — велел ему Прокурор тоном, не терпящим возражений. — Никто и шага со двора не сделает, пока я не узнаю имя той паскуды, которая прогнулась под моих кровных врагов! А любой, кто рискнет... с большой долей вероятности... покойник! Усеки, детишки?

Не желая лишний раз испытывать на прочность терпение Бориса Андреевича, Матвей вновь уселся за стол. Его примеру последовал и Пашка.

А потом пусть нехотя, но подчинился и сам Дмитрий.

Людмила Сладкова

И вновь повисла тишина. Давящая. Звенящая. Нервно побарабанив пальцами по столу, он проверил свой телефон. Если верить уведомлениям, сообщение Зарутскому было доставлено. Однако реакции никакой не последовало. И это жутко напрягало. В молчании время тянулось медленно. Но все же на месте оно не стояло. Прошло около пятнадцати минут, когда Мага вдруг заговорил:

— Может, картишки раскинем? Один хрен без дела сидим!

Многим его идея пришла по душе, и мужики начали шпилить в «Свару».

Дмитрий к игре не присоединился. Его мысли были заняты другим. В голове навязчивым набатом звучали слова Матвея: «Неспокойно мне! Неспокойно...»

Он впервые слышал от него нечто подобное. Оттого и самому становилось тошно. Едва успокоившееся нутро вновь взбунтовалось. Тяжело вздохнув, Борзый долгим взглядом уставился на Верещагина. Затем на Прокурора.

— Борис Андреевич, — начал он, намереваясь отпустить Матвея под свою ответственность, — пусть он...

Завершить фразу ему не удалось — именно в этот момент настойчиво завибрировал его мобильник. Номер звонившего не определился, но Похомов и так прекрасно знал, кто пытается выйти с ним на связь. Однако принять вызов не торопился. Продемонстрировав телефон смотрящему, Дмитрий твердо произнес:

— Это мой информатор. Говорить он будет только со мной — с другими не станет. Я могу узнать имя крысы прямо сейчас. Но... что я получу взамен?

Черчесов зловеще прищурился:

— Ты совсем страх потерял, щенок? Шантажировать меня вздумал?

Реквием по любви. Искупление

— Ни в коем разе! Просто пытаюсь договориться.

— А разменная монета — моя племяшка, стало быть?

— Тебе племянница. Мне — законная жена.

— Бери трубку, сученьш!

— Дай слово! Дай мне свое чертово слово!

— Хрен с тобой! Мы обсудим... мы все обсудим. А теперь... ответь ему!

Удовлетворенно кивнув, Дмитрий положил мобильник на стол, включил громкую связь и, жестом велел всем молчать, холодно рявкнул:

— Да!

— Что за хрень ты мне тут шлешь? — раздался из динамика не менее «приветливый» голос Зарутского. Голос, из-за которого лица присутствующих вытянулись от изумления. Никто не мог поверить, что ему удалось «завербовать» и заставить «говорить» самого Макара.

Тем не менее он говорил. Вернее, продолжал наезжать:

— Прекращай уже этот маскарад! Туфта голимая! Думаешь, я поверю, будто ты причинишь ей реальный вред? Своей собственной жене?

В ту же секунду Дмитрию захотелось разбить телефон к чертовой матери. Ибо... данную новость он озвучил менее часа назад. А это значило лишь одно: «Он здесь! Предатель... среди нас!»

Глава 2

«Твою мать! — отчаянно пульсировало в сознании. — Твою мать!»

Похомов стиснул зубы до противного скрежета. А кулаки — до хруста костяшек. Его зверски заколошматило от

Людмила Сладкова

ярости, от лютого первобытного бешенства. Он пристально вглядывался в каждого присутствующего здесь человека, всеми фибрами души желая лишь одного — вычислить ублюдка.

Его мысли были прерваны странным звуком, раздавшимся из динамика телефона. Складывалось ощущение, будто Макар саданул кулаком не то по мебели, не то по стене. А потом вдруг взревел не своим голосом:

— Что ты натворил, мудака? Ты хоть понимаешь, что ты натворил? Я... я годами прогибался под Гарика! Я безропотно выполнял все его поручения и прихоти! Самые пакудные. Самые мерзкие. Самые... Падала, да когда я сдохну, меня даже в ад не примут! Но... выбора не было. Он приказывал, а я исполнял! Блевал потом часами в туалете, но исполнял! Только так... Только так я мог защитить Лизу! И защищал. Защищал! Пока ты, сука...

— Кого ты там защищал, герой невидимого фронта? — не выдержав, взорвался Борзый. На шее от напряжения взбугрились вены — так сильно он орал, надрывая глотку. — Ее Прокурор защищал все это время! И мой отец!

Макар зашелся в приступе зловещего хриплого лающего смеха.

— Когда ты уже поймешь: они на это не способны! — яростно выплюнул он спустя секунду. — Мстить и сводить счеты — это да! Бесспорно. Здесь им нет равных. И нагнут кого угодно. И с землей сровняют. И город в крови умоют, если придется. Но... они не видят дальше собственного носа. И не в состоянии предотвратить катастрофу, когда это требуется. Вот Черчилль предотвратил бы. И защитил бы как положено. Он людей насквозь видел. Ну... за небольшим исключением. Но Боря — не Кир! Нет у него

Реквием по любви. Искупление

чуйки брата. Он не стратег. Кого они с твоим отцом защи- тили? Кого? Иринку Борькину? Или... Маришку, быть может? Где они были, а? Где все они были, когда она умира- ла? Когда так нуждалась... в них! Не-е-ет! В гробу я ви- дал такую защиту! Они ведь и с Лизой особо не заморачи- вались. Наивно полагая, что про дочь Черчилля все забудут и никто не станет искать малышку, якобы «спрятали» ее. На деле же тупо подделали ей документы и предоставили им с бабкой другое жилье. А потом, довольные собой, за- нялись каждый своей жизнью. Да только... люди Гарика нашли Лизу! Почти сразу нашли! Каждый год на свой день рождения я получал от Пескаря открытку. Вернее, фото- графию. Ее фотографию! Каждый проклятый год! Из раза в раз она становилась все старше. Росла. Расцветала, пре- вращаясь в точную копию своей матери. Она спала спокой- но, даже не подозревая, что каждый день ходит по краю пропасти! Сказать, почему ее не трогали? Или сам мозги включишь наконец? Я выторговал ее жизнь взамен на аб- солютную преданность этому ублюдку! Но у нашего с ним уговора был один крохотный пунктик: Лиза должна оста- ваться... нейтральной и максимально далекой от нашего мира. И все шло отлично, пока один зажавшийся мудо- звон... Сука! Ты же ее под удар подставил! Понимаешь ты это или нет? Теперь у него развязаны руки. Теперь она не безобидная девочка, пребывающая в неведении о своем происхождении, а офигенный рычаг давления на тебя, ме- ня, Прокурора и Похома! А также угроза для него самого. Он до усрачки боится всего, что связано с Черчиллем. И с возрастом его параноя лишь усиливается. Кир нарыл на него кое-что. Весьма лютый компромат. И Пескарь ду- мает, что перед смертью он передал его Марине. А та... своей дочери. Все эти годы мне удавалось убеждать его

Людмила Сладкова

в обратном. Доказывать с пеной у рта, что Кирилл никогда не посвящал Марину в свои дела. У него был жесткий пунтик по данному поводу. Если он и передал кому эту информацию, то только Боре. До сегодняшнего дня Гарик прислушивался ко мне. Но... новость о твоей женитьбе... все меняет. Что ты натворил? Я больше не смогу защищать ее. Это будет расцениваться как помощь его врагам! Я... не знаю, что мне делать. Падла! Я впервые в жизни не знаю, что мне делать! Я готов растерзать тебя собственными руками!

— Тебе ничего не нужно делать, — напряженно выдал из себя Дмитрий, пребывая в легком шоке от тирады Зарутского. — Просто... скажи мне, кто крыса... и я все сделаю сам!

Макар вновь зловеще рассмеялся:

— А ты уверен, что оно тебе нужно? Что, если я назову имя человека, которого ты очень хорошо знаешь? Что, если он вхож в твой дом?

Борзый раздраженно хрустнул позвонками затекшей шеи и ядовито выплюнул:

— Говори! Иначе я...

— Зачем? — Из динамика послышался тяжелый, измученный вздох собеседника. — Ты все равно мне не поверишь! Мне никто не поверит, даже если я буду кричать его имя на главной площади города!

— Я — не все! — сухо и надменно уверил его Дмитрий, предостерегающе поглядывая и на Прокурора, и на Ювелира, и даже на собственного отца. Ибо все они еле сдерживались от диалога со своим старым «приятелем». А допустить их вмешательства он никак не мог. — Я поверю!

— Правда? — скептически протянул Зарутский, явно сомневаясь. — Даже если я скажу, что никогда не предавал Черчила? Что был предан ему как собака?

Реквием по любви. Искупление

Глава 3

Он произнес эту фразу с такой интонацией, от которой Дмитрию захотелось немедленно свернуть ему шею. Создавалось впечатление, что Зарутский просто... издевается над ним. Насмехается. Играет. Либо испытывает на прочность его терпение. Тем не менее, играя желваками, Похомов собрал в кулак всю свою выдержку и буквально заставил себя произнести спокойно:

— Все факты указывают на обратное, но... представим, что это так!

— Представим? — Макар дико загоготал.

— Не скалься! — холодно осадил его Борзый. — В подобный бред очень сложно поверить! Скажи еще, что ты ни в чем не виноват и тебя тупо подставили!

Зарутский ответил не сразу. Судя по звуку, льющемуся из динамика, он откупорил бутылку с какой-то жидкостью и отпил прямо из горла.

— Нет, — раздался наконец его усталый вздох. — Меня не подставляли.

Дмитрий не выдержал. Нервы, натянутые до предела, сдали окончательно.

— Ты че, сука, за идиота меня держишь? — рявкнул он настолько громко, что в соседнем дворе залаяла собака. — Черчилля он, видите ли, не предавал! Как же ты тогда среди прихвостней Гарика оказался, если не...

Похомов замолчал резко. Стремительно. Так и не закончив фразу.

Просто внезапно осознал кое-что. И осознал с предельной четкостью.

Не доверяя собственным ногам, он с грохотом опустился на скамейку.

Людмила Сладкова

Уперевшись локтями в крышку стола, что было мочи стиснул свои пульсирующие виски и прохрипел, практически сражаясь за дыхание:

— Ты... ты любил Марину. Ты искренне ее любил. Боготворил. А значит, никогда... ни при каких обстоятельствах не причинил бы ей боли. И уж точно не подверг бы ее насилию. Я знаю это наверняка, потому что... понимаю твои чувства, как никто другой. Проще самому себе пулю в лоб пустить, чем заставить любимую женщину так зверски страдать. У тебя никогда не было физической близости с женой Черчесова. Вы... все выдумали, чтобы... Это был план. Чертовски крутой и шикарно обыгранный. Известный лишь вам троим. Твою мать! Ты и правда не предавал его! Все знали о твоих чувствах к Марине. Сыграв на этих знаниях, Черчилль создал идеальную легенду и... собственноручно внедрил тебя к Гарику! Пока Кир был жив, ты работал на него. А когда его не стало, то все равно вынужден был остаться с Пескарем. Но уже для других целей. Жертвуя собой, ты защищал ту, которую любил. И Марина знала об этом. Потому и обратилась за помощью именно к тебе, когда пропала ее подруга Ирина. Наверняка Марина поддерживала с тобой тайное общение вплоть до самой своей смерти. Чтоб мне сдохнуть! Как же я раньше-то не догадался?

Зарутский горько усмехнулся:

— Знаешь, временами ты жутко раздражаешь меня своей заносчивостью, но я должен признать, что всегда считал тебя смысленным пареньком!

— У тебя есть доказательства? Хотя что-то, подтверждающее мои догадки?

— Есть. Были. Но... не у меня.

— А у кого?

Реквием по любви. Искупление

— У Марины.

— Где они сейчас?

— Понятия не имею!

— Что, даже не искал?

— Зачем?

— Чтобы обелить свое имя, например!

— Мне давно уже нечего обелять. Я увяз в этом дерьме по самую макушку.

Дмитрий никак не отреагировал на его слова.

Ему не давал покоя еще один факт. Неоспоримый.

— Когда не стало Марины, ты... все равно продолжил защищать Лизу. Продолжил, даже зная наверняка, что не являешься ее отцом. Почему?

— Да плевать мне, кто ее отец! — грубо прогромыхал Макар. — Мне важно лишь... кто ее мать!

Сказать, что ему от услышанного сделалось не по себе, значит ничего не сказать.

Борзый нервно вскочил и, намеренно игнорируя капитально охреневшие лица окружающих, несколько раз торопливо втянул спасительный воздух полной грудью. Так глубоко и жадно, что затрещали ребра.

— Макар, — произнес он сипло, осторожно подбирая слова, — мы оба понимаем: мне больше нечем давить на тебя. Козырей в рукаве у меня не осталось. Но... так или иначе, мы преследуем одну цель. Я должен защитить Лизу. Должен!

— Так защити!

— Помоги! Сдай мне крысу!

Зарутский молчал долго. Очень долго, однако спустя некоторое время все же заговорил:

— Я расскажу тебе одну историю. Верить или нет — твое право.

Людмила Сладкова

— Говори уже! — От нетерпения Борзый чудом не стер зубы в порошок.

— Я знаю, какой компромат Черчилль в свое время нарыл на Гарика, — признался Макар. — Где он его спрятал — хороший вопрос. Но если ты найдешь эту нычку, то сможешь прихлопнуть Пескаря, как букашку! Его свои же растерзают. Потому что человек, живущий последние двадцать с лишним лет под этой личиной... вовсе не Гарик!

У Дмитрия едва глаза из орбит не выскочили от подобного заявления.

— В каком смысле? — уточнил он, пытаясь прокашляться.

— В прямом, — прилетело в ответ. — Он кто угодно, только не настоящий Гарик! Об этом мало кому известно, но Черчилль Пескаря знал лично и очень близко. Они по малолетке вместе на одной зоне чалились. Там же Гарик лишился двух пальцев на левой ноге. Стал прихрамывать. Потом их дорожки разошлись на многие годы. За это время Пескарь круто поднялся в Москве. Известным авторитетом стал. Но внезапно попал в автомобильную аварию, обгорел и... вроде как перенес несколько пластических операций. В общем, изменился он до неузнаваемости. И не только внешне. Он не хромает. Все его пальцы на месте. А Кирилла не стало, когда он понял, что к чему. Когда начал рыть под этого самозванца. Но Гарик подсуетился. И ситуацию с женитьбой Черчилля раздули по максимуму, и с общаком. Только вот это все не причина, это следствие. Кирюху любили. Ему простили бы женщину. С общаком сложнее, но все же с братвой договориться можно было бы. Однако Пескарь преподнес эти новости в таком ключе, что толпа просто озверела. А Черчилль не стал пресмыкаться перед шакалами. Так вот... к чему я это все? У на-

Реквием по любви. Искупление

стоящего Гарику родных не было — он детдомовский, как и Кир с Борькой. А вот у того, кто живет под его именем, очень даже есть! У него есть сестра, существование которой он тщательно скрывает. И даже племянник имеется. Родной. Собственно говоря, его-то он и внедрил к вам много лет назад. И на руках этого самого племянника... очень много крови. Я уже молчу о том, какую расправу он над Гордеевыми в свое время устроил! Он ведь в этом нападении лично участвовал. Собрал компанию из пяти отморожков. Сам был шестым. Сперва они зверски избили Хирурга и его жену. А когда «наигрались», просто заживо сожгли. И весь процесс... он записывал на камеру! А потом принес эту запись Гарику и включил при всех. Я не смог это смотреть. Меня вывернуло прямо там. Володька... он столько раз спасал нам жизни. Он не заслужил подобной участи. А уж жена его — тем более. Но... Шмель даже Юльку не пощадил!

Дмитрий уставился на телефон, точно на бомбу замедленного действия.

— Кто? — прохрипел он, чувствуя, как внутри все обрывается и стремительно леденеет. А противный липкий пот струится по спине. — Ты... уверен?

— Я ведь сказал тебе: хочешь верь, хочешь нет!

— Ты ведь должен понимать, — густым басом, не выдержав напряжения, вмешался в их диалог Прокурор, — это очень серьезное обвинение! Где доказательства?

Борзый ругнулся в сердцах, опасаясь, что Макар попросту бросит трубку.

Но он лишь замолчал и надрывнее запыхтел в динамик.

— Ну, здравствуй, Боря! — произнес Макар в итоге.

— Здравствуй!

— Ты... все слышал?

Людмила Сладкова

— И не только я!

— Что ж, добавить мне нечего.

— Доказательства, Макар! Доказательства! Балаболить любой может...

— Если тебе нужны доказательства, обыщи дом Соколовского! — раздраженно огрызнулся Зарутский. — Ты сильно удивишься, если сделаешь это. И детишек его осмотри как следует. Он вечно на них прослушку вешает, а они даже не подозревают об этом!

Дмитрий застыл на месте точно пришибленный.

Прислушиваясь к своему озверевшему пульсу, он покоился на Сокола.

Боги, на него было страшно смотреть. Он побледнел так, что ни кровинки не осталось в лице. Взгляд пустой. Дикий. Дыхание рваное, сбившееся.

Медленно поднявшись из-за стола, Пашка молча протянул Прокурору свой пистолет. А после принялся остервенело срывать с себя одежду, лихорадочно осматривая каждый миллиметр ткани. И когда нашел какой-то крохотный инородный предмет на внутренней бляшке своего ремня... из его глаз хлынули слезы. От подобного зрелища и Дмитрия скрутило так, что каждый глоток кислорода ощущался концентрированной кислотой. Его будто изнутри что-то разъедало, причиняя зверскую, нестерпимую боль.

Но когда он перевел взгляд чуть левее, все стало еще хуже. В паре метров от беседки стояли Андрей и Вика. Первый был бледен и явно шокирован услышанным. Вторая же... Малышку трясло, точно в сильнейшей истерике. Она беззвучно рыдала, сглатывая соленую влагу.

— Паш, — тихонько позвала Вика своего старшего брата, — это правда, Паш? Все, что сказали про нашего отца, — правда? Он... неужели он убил... он...